

Д. Д. Галанин

Леонтий Филиппович
Магницкий и его
Арифметика

Выпуск 1

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 51
ББК 22.1
Д11

Д11 **Д. Д. Галанин**
Леонтий Филиппович Магницкий и его Арифметика: Выпуск 1 / Д. Д. Галанин – М.: Книга по Требованию, 2012. – 72 с.

ISBN 978-5-458-27242-1

Имя Магницкого известно почти каждому образованному человеку в России, но личность Магницкого неизвестна и тем немногим лицам, кто интересуется прошлым в культурном развитии этого государства. Я позволю себе сделать попытку очертить личность этого во всяком случае выдающегося педагога и мыслителя по тем скучным источникам, которые имеются в моем распоряжении. Такими источниками я считаю два сочинения Леонид Филипповича: его Арифметику и записку по делу Тверитинова. На последнее сочинение как будто не было обращено совершенно внимания, а между тем оно, по моему мнению, проливает некоторый свет как на служебное положение Магницкого в школе навигацких наук, так и на самую личность автора.

ISBN 978-5-458-27242-1

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, кляксы, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Имя Магницкаго известно почти каждому образованному че-
ловѣку въ Россіи, но личность Магницкаго неизвѣстна и тѣмъ
немногимъ лицамъ, кто интересуется прошлымъ въ культурномъ
развитіи этого государства; ариометика Магницкаго известна очень
немногимъ. И позволю себѣ сдѣлать попытку очертить личность
этого во всякомъ случаѣ выдающагося педагога и мыслителя по
тѣмъ скучнымъ источникамъ, которые имѣются въ моемъ распо-
ряженіи. Такими источниками я считаю два сочиненія Леонтия
Филипповича: его ариометику и записку по дѣлу Тверитинова. На
послѣднее сочиненіе какъ будто не было обращено совершенно
вниманія, а между тѣмъ оно, по моему мнѣнію, проливаетъ нѣ-
который свѣтъ какъ на служебное положеніе Магницкаго въ школѣ
навигацкихъ наукъ, такъ и на саму личность автора. Къ сожа-
лѣнію, исторія школы какъ будто не разработана, и мнѣ въ этомъ
отношениі приходится руководствоваться лишь обстоятельнымъ тру-
домъ г. Бобынина и тѣмъ, что можно найти обѣ этой школѣ въ
„Исторіи Россіи“ С. М. Соловьева. Вотъ всѣ тѣ слишкомъ скучные
источники, которые находятся въ моемъ распоряженіи, и если я
рѣшаюсь на основаніи ихъ передать то, что я вынесъ изъ ихъ
изученія, то это я дѣлаю исключительно потому, чтобы обратить
вниманіе болѣе меня вооруженныхъ лицъ на личность человѣка,
забвеніе котораго въ русскомъ обществѣ мнѣ кажется обиднымъ
и незаслуженнымъ. Быть-можетъ, кто-нибудь, прочитавъ мой сла-
бый трудъ, возьметъ на себя ознакомиться съ архивомъ Министер-
ства Иностранныхъ Дѣлъ и дастъ тѣтъ очеркъ жизни и дѣятель-
ности Магницкаго, въ которомъ такъ нуждается русское общество.
Въ заключеніе приношу искреннюю благодарность Сергию Влади-
мировичу Орлову и Александру Федоровичу Луговскому за ихъ лю-
безное содѣйствіе при составленіи этой книги.

Глава I.

Характеристика времени и общества, когда жилъ Магницкій.

Магницкій жилъ на границѣ того вѣка, когда русская философская мысль, уставъ отъ религіозныхъ споровъ, съ особенной настойчивостью бросилась въ новую для нея область естествознанія и готовилась къ нарожденію всемирнаго генія въ лицѣ Ломоносова. Въ теченіе всего XVIII-го вѣка мы видимъ рядъ русскихъ выдающихся ученыхъ въ области естествознанія, среди которыхъ можно отмѣтить, помимо академиковъ и профессоровъ Московскаго университета, каковы: Лепехинъ, Германъ, Леманъ, Вельяминовъ⁴ Зибелинъ и пр., такихъ ученыхъ, какъ графъ Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ (1692—1766), который впервые наблюдалъ свѣточувствительность солей желѣза и изобрѣлъ особую желѣзную тинктуру (*tinctoria tonico-nervina Bestouchieffii*); графъ Мусинъ-Пушкинъ (1760—1805), который впервые получилъ безцвѣтный прозрачный фосфоръ и при его помощи возстановилъ растворы угольной кислоты въ углеродъ, открылъ новыя соли платины (платино-хлористо-водородной) и подробно изслѣдовалъ хромъ, онъ же первый далъ способъ приготовленія вольфрамо-кислаго натра; Дмитрій Голицынъ изучалъ вліяніе газовъ на сѣмена, открылъ свойство флюсоваго сибирскаго хлорофона (*CaF₃*) принимать при нагреваніи зеленый цвѣтъ, а при охлажденіи вновь переходить въ фиолетовый; графъ Разумовскій изучилъ синтетическое приготовленіе колчедана и открылъ минералъ, до сихъ поръ носящій его имя (*Rasoumoffski* *). Кромѣ аристократическихъ словъ, и средній классъ далъ знаменитыхъ химиковъ; такъ, Андрей Баташовъ (род. 1750) усовершенствовалъ металлургическую пѣчь Реомюра, а Иванъ Ивановичъ Ползуновъ построилъ первую паровую машину для

* Дневникъ 2-го Менделѣевскаго съезда, № 8, ст. 132. Докладъ г. Вальдески— „О развитіи химіи въ Россіи“.

вдуванія воздуха (1766) на Барнаульскомъ заводѣ *). Среди этихъ лицъ нельзя пройти молчаниемъ и первого русского экономиста Ивана Тихоновича Просопкова, который, по авторитетному свидѣтельству г. Кизеветтера, впервые высказалъ такія экономическихъ идеи, которыхъ являлись новостью даже для западно-европейской науки, а другія еще до сихъ порт ждутъ своего окончательного признанія и практическаго осуществленія **). Вотъ передъ нами крѣпостной человѣкъ графа Шереметева, прибѣльщикъ Алексѣй Александровичъ Курбатовъ, оберъ-инспекторъ ратушнаго правлѣнія. Вотъ мѣщанинъ Кипріановъ, библіотекарь Московской Навигацкой школы и издатель разныхъ книгъ. Вотъ простолюдинъ Иванъ Кирilloвъ, первый составитель географическаго атласа Россіи.

Изъ этого краткаго перечня ученыхъ физиковъ и химиковъ, надъ которыми возвышается Михайло Ломоносовъ, опередившій свой вѣкъ почти на столѣтіе, а можетъ быть, и больше, мы видимъ, что естественно-научная мысль занимала если и не господствующее мѣсто, то во всякомъ случаѣ очень видное мѣсто среди другихъ научныхъ теченій. Начало вѣка, тѣсно сливаясь съ концомъ предшествующаго столѣтія, ознаменовалось глубокими религіозными сомнѣніями и ожесточенными религіозными спорами. Исправленіе текста богослужебныхъ книгъ, сдѣланное по желанію царя Алексѣя Михайловича, глубоко и сильно взволновало русскую религіозную мысль; это волненіе было тѣмъ значительнѣе, что вновь исправленныя книги вводились въ жизнь военной силой, при чемъ явилось много людей, пострадавшихъ за вѣру, за то, въ чёмъ они видѣли высшее назначеніе своей жизни—спасеніе души. Споръ съ такъ называемыми раскольниками не имѣть исключительно церковнаго характера; это не мелочь буквы,—это борьба двухъ противоположныхъ міропониманій: старо-русскаго общественнаго и новаго—значеніе предержащей власти. Не даромъ Пётръ считалъ раскольниковъ врагами государственного строя, политически неблагонадежными людьми; ихъ міропониманіе рѣзко противорѣчило той идѣи, которая была скрыта подъ символомъ—исправленіе богослужебныхъ книгъ. Мнѣ всегда казалось страннымъ, почему наши ученые, вслѣдъ за правительственными агентами, обвиняли раскольниковъ въ приверженности къ буквѣ, къ обряду. Если это неважно, несущественно, то за что же было заставлять такъ страдать хотя того же Аввакума, боярина Мо-

*) Модель машины хранится въ Барнаульскомъ горномъ музѣ. См. Брандтъ—„Исторія первыхъ машинъ“. „Нива“ за 1913 г., № 19.

**) Иванъ Просопковъ. Книга о скудости и о богатствѣ. Предисловіе.

розову и др.? Въ этой борьбѣ произвола власти и искренняго религіознаго увлеченія вся симпатія непредубѣжденнаго читателя на сторонѣ гонимыхъ. Прочтите у Забѣлина біографію Морозовой, и вамъ станетъ ясно, что въ этомъ гоненіи, во всемъ томъ, что она испытала и претерпѣла, не было никакой религіозной идеи со стороны ея мучителей, а лишь одно желаніе заставить ее сдѣлать по-своему. Пусть она перекрестится тремя перстами по-православному—и все будетъ окончено. Развѣ въ этомъ требованіи есть доктринальская смысль? Развѣ за крестъ по-раскольнички можно человѣка заковать въ желѣзо, лишить всѣхъ удобствъ жизни и подвергнуть пыткѣ? Нѣтъ, тутъ дѣло не въ крестѣ, а въ иномъ: нужно было покориться власти царя, сдѣлать то, что онъ хочетъ, и такъ, какъ онъ хочетъ. Морозова не хотѣла исполнить этого и страдала не за вѣру, а за свое непокорство. Раскольники были не врагами церкви, а врагами государства, какъ понимали государство при Московскому дворѣ. Это хорошо сознавали и москвичи и вся Россія, а потому борьба и приняла столь ожесточенный характеръ, ибо здѣсь боролись два совершенно противоположныхъ міровоззрѣнія. Побѣда осталась на сторонѣ правящей власти, но эта власть потеряла въ глазахъ населенія свой ореолъ святости, защитницы религіи, а въ силу этого ослабѣли и самыя религіозныя основы. Религія и право потеряли въ глазахъ населенія свою внутреннюю цѣнность и получили значеніе лишь формы жизни, направляемой не божественными установленіями, а произволомъ власти имущихъ лицъ. Вотъ почему, когда склынула первая волна остраго столкновенія двухъ течений, когда первые борцы раскола покончили свои земные счеты, и народилось новое поколѣніе, то среди рядовыхъ, почти индифферентныхъ наблюдателей жизни, возникло сразу два стремленія. Одно изъ нихъ можно характеризовать какъ критическій анализъ предметовъ вѣры, а другое—необходимость изученія науки, какъ пособіе къ этому анализу. Къ этому религіозному водовороту присоединился политическій: и было время, когда люди какъ бы потеряли одновременно и вѣру въ Бога и уваженіе къ царской власти; когда Дмитрій Тверитиновъ отрицалъ св. таинства, а Иванъ и Афанасій Нарышкины примѣрили къ себѣ царскую порфиру. Геній Петра, авторитетъ его личности, особенно послѣ Полтавской побѣды, спасли государство и царскую власть; но разрушеніе стараго міровоззрѣнія какъ религіознаго, такъ и этическаго продолжалось непрерывно. Самымъ важнымъ въ этомъ отношеніи было то, что новое нравственное міровоззрѣніе, уничтожая авторитетъ традицій, вводило въ жизнь совершенно новое начало—значеніе

личности и ея авторитетъ, а отсюда, какъ естественное слѣдствіе, необходимо и обязательно вытекало презрѣніе къ лицамъ, ниже стоящимъ по ступенямъ общественной жизни. Самъ Петръ рѣзко порвалъ всякую связь со старымъ; старое онъ считалъ не только отжившимъ, но даже опаснымъ и вреднымъ, и въ то же время всѣ поступки Петра носятъ одинъ и тотъ же оттѣнокъ презрѣнія къ людямъ. Онъ не только не стѣсняется плюнуть въ лицо надѣвшаго ему собесѣдника или ударить его, но подвергаетъ своихъ гостей временному аресту, ставя при дверяхъ стражу, во время веселаго пира. Онъ одинаково глумится какъ надъ религіозными, такъ и гражданскими формами быта, выдвигая въ первый планъ свою личную волю, свое желаніе, свою мысль. Спускаясь ниже отъ главы государства, мы наблюдаемъ тогъ же общий характеръ взаимоотношеній правительственныхъ лицъ, доходящій до общепризнанной идеи „подлаго рода людей“. Но тамъ, внизу, нельзя было разойтись во всю,—слишкомъ зорокъ былъ глазъ царя, и не всегда ему можно было угодить, проявляя личную волю, а потому дѣятельность всѣхъ подчиненныхъ лицъ сдерживалась въ нѣкоторыхъ предѣлахъ законности; но эта законность опиралась не на общія постановленія правительства, а исключительно на волю царя. Все это съ чрезвычайной ясностью выступаетъ въ дѣлѣ Дмитрія Тверитинова. Уже по самой сущности дѣла ясно, что оно должно подлежать разбору духовнаго суда, какъ ересь; однако, по предписанію царя, его разбираетъ Сенатъ, не допуская иногда даже блюстителя патріаршаго престола на свои засѣданія*). Въ этомъ фактѣ полное нарушеніе основныхъ, неотмѣненныхъ законовъ, однако, никто изъ дѣйствующихъ лицъ этого не отмѣчаетъ, но всѣ говорятъ лишь о волѣ царя, о его личныхъ приказа-зміяхъ и только. Вчитываясь въ самое дѣло, особенно въ то, какъ оно изложено Магницкимъ, ясно видно, какъ авторитетъ Петра господствовалъ надъ всей жизнью тогдашней Россіи, но это былъ авторитетъ личности, а не авторитетъ власти, однако, вмѣстѣ съ авторитетомъ, какъ его неизбѣжный спутникъ, господствовалъ и произволъ личности царя. Здѣсь я особенно подчеркиваю, что Петру для своихъ современниковъ былъ авторитетомъ не какъ глава государства, а какъ личность, особо одаренная. Въ немъ сочетались и могущество власти и авторитетъ личности, и это послѣднее дѣлало его распоряженія особенно обязательными для лицъ, такъ или иначе съ нимъ соприкасающихся. Однако, въ толщѣ народныхъ массъ все же оставалось сомнѣніе, была возможность

*) Записки Л. Магницкаго по дѣлу Тверитинова, стр. 35.

критики, которая подривала основы власти и заставляла искать новыхъ обоснованій, новыхъ путей жизни. Новое не могло замѣнить старое безъ борьбы, тѣмъ болѣе ожесточенной, что произволь всегда останется произволомъ, хотя бы онъ имѣлъ за собою царскій авторитетъ. Спорить съ Петромъ было опасно, порицаніе его жизни и дѣятельности грозило слишкомъ серьезными послѣдствіями, а потому весь вопросъ о новыхъ и старыхъ путяхъ жизни перешелъ въ область религіозныхъ вопросовъ, гдѣ простору было гораздо больше.

Здѣсь, въ области религіи, насколько можно судить по историческимъ даннымъ, дѣло началось среди высшихъ представителей духовной іерархіи по частному, чисто академическому вопросу о томъ, когда Св. Дары пресуществляются въ таинствѣ евхаристіи. Полоцкій и Сильвестръ Медвѣдевъ доказывали, что это происходит въ то время, когда священникъ говоритъ: „Пріимите и ядите...“. Сторонники восточной церкви утверждали, что это происходит по молитвѣ къ Богу Отцу о ниспослании Св. Духа силою заслугъ Иисуса Христа.

Интересно отмѣтить, что въ верхнихъ слояхъ русского общества этотъ чисто академический вопросъ вновь перешелъ на личную почву. Когда-то самъ патріархъ держался того же мнѣнія, какъ и его противники *); очевидно, что дѣло было не въ томъ, когда именно пресуществляются Св. Дары, а въ томъ, за кѣмъ останется политическая лоббіда, кто будетъ руководить вопросами жизни. Г. Пыпинъ справедливо отмѣчаетъ, что сущность спора была въ томъ, кто останется наверху—греческая ли партія или новое, логическое направлѣніе.

Этотъ чисто академический богословскій споръ перешелъ въ народныя массы, гдѣ также стали горячо обсуждать время пресуществленія. Причиной этого была не важность самого вопроса, а та аргументація, къ которой прибѣгали несогласныя другъ съ другомъ лица. Въ этой аргументаціи, съ одной стороны, выдвигали важность преданія (бр. Лихуды, патріархъ Іоакимъ, иночъ Евеймій), а съ другой—научную обоснованность, которая опиралась на ученыя богословскія сочиненія Запада и на философию Аристотеля.

Такимъ образомъ, какъ и въ вопросѣ раскола, споръ вышелъ за предѣлы своей основной темы и перешелъ въ ту область, гдѣ онъ былъ интересенъ по существу и важенъ не потому, что онъ выяснялъ время пресуществленія, а потому, что онъ затрагивалъ

*) Пыпинъ. „Исторія русск. лит.“. II, стр. 369.

основные вопросы народного міропониманія, онъ разрушалъ то, что до сихъ поръ служило основой русской жизни, что считалось незыблемымъ, на что опирались въ случаѣ выясненія какихъ-либо религіозныхъ сомнѣній. Правительство усмотрѣло въ книгахъ Медвѣдева подрывъ правой вѣрѣ, потрясеніе основъ русской жизни, и это было вѣрно; но оно забыло, что этотъ подрывъ старымъ устоямъ даетъ сама жизнь, что онъ разлитъ въ мельчайшихъ проявленіяхъ жизни, а сочиненія Сильвестра есть только констатированіе факта. Уничтожая сочиненія, люди закрывали для себя возможность поставить правильный диагнозъ заболѣванія и, проявляя ненужную жестокость надъ личностью, тѣмъ самимъ способствовали распространенію и укрѣпленію его міровоззрѣнія.

Я уже говорилъ, что споръ перешелъ изъ академическихъ сферъ въ народныя массы: „не только мужіе, но и жены и дѣти“, вездѣ, гдѣ случится, „на пиршествахъ, на торжествахъ въ яковомъ либо мѣстѣ, временно и безвременно“ толковали о „таинствѣ таинствъ... какъ пресуществляется хлѣбъ и вино и въ кое время и кими словесы“. Интересно, какъ происходили эти споры, какими аргументами спорщики подкрѣпляли свое доказательство. Г. Милюковъ говорить, что здѣсь „старина защищалась аргументами западнаго богословія“ (*). Это—очень мѣткое выраженіе, характеризующее полемические приемы людей противоположныхъ мнѣній, что особенно видно опять-таки изъ дѣла Тверитинова, которое позволяетъ еще глубже проникнуть въ сущность того общественнаго настроенія, какое было въ московскомъ обществѣ въ рассматриваемое время.

Но прежде, чѣмъ переходить къ разсмотрѣнію диспутовъ, не обходимо разсмотрѣть самую ересь, такъ какъ она проливаетъ яркій свѣтъ на умственное броженіе и ту среду, въ которой это броженіе происходило. Дмитрій Евдокимовичъ Тверитиновъ по своему происхожденію былъ чернослободцемъ г. Твери, гдѣ его фамилія была Дерюжкинъ или Дерюшкинъ. Прозвище Тверитинова онъ, вѣроятно, получилъ во время своего ученія. Согласно его показанію, онъ участвовалъ въ первомъ Азовскомъ походѣ въ качествѣ аптекарского ученика при иноземныхъ лѣкаряхъ Иванѣ Терманѣ и Филимонѣ Геникѣ, очевидно, молодымъ человѣкомъ. Пройдя подъ ихъ руководствомъ лѣкарскую науку, онъ вернулся въ Москву, гдѣ и занялся врачебной практикой. Здѣсь онъ женился на дочери купца Алексія Якимовича Олесова Ксении и поселился въ приходѣ Спаса-Преображенія, что на Глинницахъ.

*) Милюковъ. „Очерки по истории русской культуры“. Ч. II, стр. 165.

Эти біографіческія данныя позволяют установить время тѣхъ сомнѣній, которыхъ возникли у Дмитрія, очевидно, отчасти въ походѣ при общеніи съ иноземными врагами, а отчасти уже въ Москвѣ при участіи въ ожесточенныхъ сбояхъ о пресуществленіи Св. Даровъ. Дѣло въ томъ, что тещь его Алексѣй Якимовичъ говорилъ своему сыну, будущему инону Пафнютю, который только-что вернулся изъ Соловецкаго монастыря, что въ его отсутствіе онъ выдалъ свою dochь замужъ „за нѣмчина не природнаго, но вѣрою, понеже-де Лютерская разумѣнія глаголеть истинна быти, наша же святая Церкви разумѣнія уничтожаетъ“. Въ то же время приходскій попъ ц. Спаса, Потапій, говорить, что онъ не замѣтилъ въ Дмитріи никакихъ противностей святой Церкви, что Дмитрій былъ у него на исповѣди, но только не причащался св. Таинъ; но что онъ ходилъ къ нему въ домъ совершать молебное пѣніе и „со всякими потребами“. Въ домѣ онъ видѣлъ картину, на которой по черному фону была написана золотыми буквами первая заповѣдь вторыхъ книгъ Моисеевыхъ: „Азъ есмь Господь Богъ твой и т. д.“.

Такимъ образомъ, очевидно, что Дмитрій вернулся изъ похода уже полнымъ религіозныхъ сомнѣній, о которыхъ онъ говорить въ кругу близкихъ ему людей, но эти люди смотрѣли на эти сомнѣнія, какъ на иѣчто любопытное, но не опасное; они съ нимъ внутренне не соглашались, но не могли и его убѣдить въ справедливости своей вѣры. Здѣсь любопытно то, что Олесовъ не побоялся отдать свою dochь за Дмитрія, хотя характеризовалъ его какъ еретика.

Чтобы понять это, надо вспомнить, что мы имѣемъ не совсѣмъ вѣрное представлѣніе о людяхъ того времени. Жители Москвы далеко не были столь православными, какъ это рисуется намъ при изученіи исторіи. Здѣсь возникали крупные религіозные вопросы и крупная сомнѣнія хотя бы по тому же вопросу о почитаніи иконъ. Еще въ 1651 году отмѣчено дѣло Федора Шиловцева, который говорить, что не слѣдуетъ поклоняться св. иконамъ: „всякому человѣчу можно Бога умными очами видѣть“*).

Любопытно и дальше. Будущій инонъ Пафнютій, какъ онъ говорить, не былъ въ состояніи опровергнуть слова Дмитрія и вначалѣ ему уступалъ. Причиной такой уступчивости, какъ онъ говорить, было его невѣжество; это невѣжество особенно ярко проявилось потому, что Дмитрій выписалъ изъ Библіи цѣлую тетрадь различныхъ текстовъ, очевидно, изучивъ вопросъ подъ вліяніемъ разговоровъ съ иноземцами. Тогда Пафнютій самъ засѣлъ за изученіе Библіи и составилъ книгу „Рожнецъ Духовный“, опровергающую довѣды сво-

*) Соловьевъ. Т. XIII, стр. 757.

его шурина. Такимъ образомъ, новыя мысли вынуждали разныхъ лицъ заняться изученiemъ св. писанія. Но не одно только св. писаніе нужно было изучить, но иѣчто большее; для изученія этого большаго необходимо было знаніе латинскаго языка, и вотъ торговыи человѣкъ овощного ряда Никита Мартыновъ засѣлъ за латынь. Вначалѣ онъ кое-что выучилъ самоучкой, а потомъ приѣхѣлъ къ помощи Ивана Максимова, ученика славяно-греко-латинской академіи. Все это рисуетъ намъ яркую картину того, какъ средніе люди на переломѣ XVII и XVIII вѣковъ старались уяснить себѣ волновавшіе общество вопросы, и какъ при рѣшеніи ихъ приходили къ необходимости все большаго и большаго знанія. Они стремились къ этому знанію, искали его; они не только читали все то, что можно было достать, но и бесѣдовали съ тѣми, кто большие ихъ зналъ. Такъ, самъ Дмитрій, стремясь провѣрить свои сомнѣнія, очевидно, не переставалъ учиться и стремился познакомиться съ выдающимися богословами того времени. Съ этой цѣлью онъ познакомился съ бывшимъ префектомъ славяно-латинской школы учителемъ философіи Стефаномъ Прибыловскимъ, у котораго встрѣтилъ его сожителя, префекта іеромонаха Гавріила, видѣлся съ Феофилактомъ Лопатинскимъ и велъ съ ними бесѣду на ту же тему. Все это было задолго, почти за 7 лѣтъ до возникновенія самаго дѣла, и, очевидно, всѣ эти разговоры разсматривались, какъ ученые академическіе диспуты, на чемъ очень настаивалъ Тверитиновъ при своихъ показаніяхъ въ Сенатѣ, да и свидѣтели говорили, что, возбуждая споръ, Дмитрій всегда оговаривался, что онъ является якобы только представителемъ того, что говорятъ лютеране. Такъ говорили обвинители, и можно думать, истина была на сторонѣ Тверитинова, такъ какъ самъ онъ и всѣ другие участники споровъ, бывшіе на сторонѣ Тверитинова, легко отказывались отъ своихъ взглядовъ, и можно думать, что ихъ собственно интересовалъ не вопросъ вѣры, а вопросъ чистаго знанія: просто имъ хотѣлось уяснить, какъ съ точки зрѣнія научной обоснованности можно разсмотретьъ эти вопросы. Если мы учтемъ, что во всемъ этомъ дѣлѣ противники проявили гораздо больше настойчивости въ обвиненіи, чѣмъ справедливости, то, можно думать, что, дѣйствительно, весь споръ имѣлъ чисто академическій характеръ.

Само дѣло интересно не по своей темѣ, а по тѣмъ подробностямъ, какія мы въ немъ наблюдаемъ; здѣсь ясно видно, какъ религіозныи сомнѣнія приводили къ необходимости знанія, къ необходимости знакомства съ литературой вопроса, которая, съ одной стороны, уходила въ изученіе св. писанія и отцовъ церкви, а съ другой—въ область философіи; философія приводила къ есте-